

что в свою очередь привело к сплочению всех сил угнетенных слоев населения и к широкой народно-освободительной войне, развернувшейся в Италии в середине VI в.

Остготское правительство довольно ясно отдавало себе отчет в том, какая опасность грозила ему со стороны народных масс Италии, оказывавших все более решительное сопротивление угнетателям: поэтому принимались весьма энергичные меры для подавления выступления трудящихся. В целях борьбы с враждебными верхам выступлениями политического характера и политическими „преступниками“ правительство короля Теодориха использовало римский закон об оскорблении величества (*Lex Julia majestatis*).

В эдикт Теодориха включен ряд постановлений, свидетельствующих об этом. Так, например, в случае если кто-либо совершил преступление, связанное с оскорблением величества, то он предавался казни, а все его имущество конфисковалось, в то время как имущество лиц, виновных в совершении иных, даже весьма тяжких преступлений, обычно передавалось их наследникам¹.

Домочадцам (*familiares*), в том числе вольноотпущенникам и рабам, разрешалось выступать в качестве свидетелей против своих господ только в случае обвинения их в совершении преступления оскорбления величества².

В целях поддержания „порядка“ в стране и подавления всякого сопротивления народных масс широко использовался аппарат государственного управления.

В период правления первых остготских королей значительным изменениям подвергся политический строй самих остготов. Важнейшее из этих изменений состояло в том, что фактически был упразднен такой важный орган управления древних германцев, как народное собрание³.

Эта эволюция являлась прямым следствием глубоких перемен в социально-экономическом строе остготов, связанных с ростом крупного землевладения и усилением феодализирующейся знати: последняя оттеснила на задний план политической жизни рядовых воинов, некогда составлявших основное ядро народного собрания. По мере роста экономического и политического влияния остготской землевладельческой и служилой знати права народного собрания фактически узурпируются советом знати, и само народное собрание теряет свое былое значение. Оно остается в памяти современников лишь в виде довольно туманного символа былой свободы; к этому символу прибегают порой как к некоей риторической фигуре, нужной для обличения „язв“ современного общества и прославления прошлого. Так, в одном из посланий короля Аталариха, имевшем целью призвать знатных жителей Южной Италии к выполнению своих общественных обязанностей в городах королевства, восхваляется собрание граждан и при этом подчеркивается, что „прекрасен облик того государства, которое, как доказано, имеет народное собрание. Ведь в этом случае в нем сияет блеск украшения свободой и оно служит необходимым (органом) для выполнения наших приказаний“⁴. Составитель этого послания — Кассиодор прибегает к ярким

¹ *ETH.*, § 113.

² *ETH.*, § 49; *Cod. Theod.*, IX, 6 const. 3; о „*familiares*“ в значении „слуги“ см. *Cassiod. Var.*, IV, 44.

³ О. Л. Вайнштейн („Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха“, ИМ, 1938, № 6) показал, что в остготском королевстве кроме остготов было немало аланов, сарматов, руниев, сциров, герулов и других племен.

⁴ *Cassiod. Var.*, VIII, 31, § 1.